

Куда же отправился Чэн Но? Разумеется, на поиски Юнь Фэй.

Когда Юнь Фэй увидела Чэн Но, она уже просто лишилась дар речи: не слишком ли много людей в последнее время крутится вокруг неё? Сначала Чэн Хао, потом Бо Чэньюй, а теперь явился и сам главный виновник — Чэн Но.

Сегодня Чэн Но выглядел несколько иначе, чем раньше. Его растрёпанные пряди явно были аккуратно уложены, а светлые глаза казались чистыми и ясными в лучах солнца. Лишь сейчас Юнь Фэй заметила, что глаза у Чэн Но не обычного карего или бурого оттенка, а редкого серо-голубого цвета, а длинные густые ресницы придавали его лицу поистине потрясающую красоту.

Эта красота заставила Юнь Фэй искренне поразиться. Прежде Чэн Но вечно ходил опустив голову, и слишком длинная чёлка скрывала его истинную внешность, так что чужие взгляды привлекала разве что его неестественно бледная кожа.

Теперь же, когда он подстригся, сменил причёску и расправил плечи, люди наконец смогли оценить его привлекательность.

Красивым людям всегда перепадает чуточку больше благосклонности — по крайней мере, Юнь Фэй, изначально намеревавшаяся прогнать его, не произнесла ни единого грубого слова, а вместо этого залюбовалась его внешностью.

Ему уже перевалило за двадцать, но на лице всё ещё сохранялся мальчишеский привкус юности. Черты лица были утончёнными, а этот завораживающий взгляд — чистым и застенчивым, отчего невозможно было не утонуть в нём.

— Зачем ты пришёл? — напускное раздражение Юнь Фэй вмиг испарилось, уступив место мягкости и терпению.

Услышав её вопрос, Чэн Но от страха втянул голову в плечи. Но стоило ему робко поднять взгляд и встретиться с её открытыми, сияющими глазами, как в нём внезапно вспыхнула храбрость. Он снял с плеча набитый до отказа чёрный рюкзак и протянул его Юнь Фэй.

Юнь Фэй не стала брать его в руки, но отчетливо заметила, как снаружи рюкзака что-то зашевелилось — внутри явно кто-то был. Взглянув на Чэн Но и внезапно заинтересовавшись, она расстегнула молнию. Оттуда тут же высунулась крошечная розовая кошачья лапка и шлёпнула Юнь Фэй по руке, словно скрепляя негласный договор.

Глаза Юнь Фэй загорелись. Она быстро расстегнула молнию до конца, и из рюкзака выбрался крошечный белоснежный котёнок. Он тряхнул ушками и тихонько мяукнул, обращаясь к Юнь Фэй.

Сердце Юнь Фэй растаяло без остатка. До катастрофы она держала нескольких кошек — все они были подобраны ею на улице бродяжками, но, к несчастью, её убили, и она так и не узнала, что стало с ними потом.

Появление малыша вернуло Юнь Фэй то давнее ощущение тепла, а больше всего её порадовало, когда следом за белым котёнком из глубины рюкзака вылез ещё и крошечный полосатый котёнок.

Тут уж Юнь Фэй не выдержала. Самой первой кошкой, которую она подобрала, был именно такой полосатый найдёныш — его мягкие, бессильные лапки ещё не держали слабое тело, и он мог лишь едва слышно мяукать, привлекая её внимание. Опомнилась она только тогда, когда уже принесла котёнка домой.

А дальше всё пошло как по маслу: чёрный кот, рыжий, трёхцветный — вдобавок к тому первому полосатику. Четыре кошки наполняли всю жизнь Юнь Фэй смыслом. Просыпаясь каждое утро и видя их, она ощущала чистое счастье, и никакое внешнее давление уже не могло поколебать её.

Это было поистине беззаботное время, наполненное лишь чистой радостью и погоней за мечтой.

Появление полосатого малыша заставило её вновь вспомнить те светлые мгновения. Она не умела чувствовать привязанность к этому новому миру — лишь воспоминания о её первой жизни были высечены на самом дне её души, и ничто не могло стереть их.

— Тебе дарю, — увидев искреннюю улыбку на её лице, Чэн Но словно заразился ею и едва заметно улыбнулся в ответ. — Как хорошо, что ты улыбаешься.

Он не умел красиво говорить и не разбирался в светском общении. Где-то на интуитивном уровне он чувствовал, что стоящая перед ним Юнь Фэй — вовсе не та холодная и надменная девушка, с которой он встречался раньше, они совершенно разные. Рядом с прежней подругой он ощущал лишь неловкость и тревогу, но перед нынешней Юнь Фэй мог расслабиться целиком и полностью — даже если бы в её руке была бамбуковая палка, а сама она бранилась на чём свет стоит. Он знал: она — очень добрый и мягкий человек. Она нравилась ему, и он хотел, чтобы ей стало хоть капельку радостнее.

Сам он не понимал почему, но ему упорно казалось, что уверенная, сильная и улыбающаяся уголками губ Юнь Фэй на самом деле вовсе не счастлива.

Юнь Фэй слегка опешила, но послушно приняла рюкзак, прижав его к груди. Осмелевший белый котёнок тем временем вылез из сумки, прошагал по её руке прямо на плечо и устроился там, обозревая окрестности царственным взглядом.

В этот момент отношение Юнь Фэй к Чэн Но переменялось. Пожалуй, это был лучший подарок

за все её сотни прожитых жизней.

— Он мне очень нравится, — она потрогала крошечную лапку полосатого котёнка, высунутую наружу в попытке исследовать мир.

Трусливый и застенчивый полосатик недовольно мяукнул, спрятал лапку обратно в глубину рюкзака и решил больше не иметь дел с этим двуногим существом, которое так любит тискать котов.

Красивые серо-голубые глаза Чэн Но слегка сузились:

— Как здорово, что тебе понравилось.

Он понятия не имел, как правильно общаться с Юнь Фэй. Он был никуда не годным чудовищем, способным приносить людям лишь неприятности. С окружающими он всегда держался отстранённо, не умея ни плакать, ни радоваться, и лишь перед самой смертью позволил себе выплакаться вволю.

Но встретив нынешнюю Юнь Фэй, он научился и слезам, и смеху. Прежде замкнутый мир был грубо взломан Юнь Фэй, и это тёмное, безрадостное пространство мгновенно наполнилось светом и красками.

Он не стал пользоваться моментом, чтобы предложить сойтись снова, не стал нести бред в духе просьб не бросать его. Юнь Фэй тоже не стала портить ему настроение — они побеседовали как старые добрые друзья, а затем тепло попрощались и разошлись каждый своей дорогой.

Юнь Фэй вернулась домой с двумя котятками на руках. Огромная вилла пустовала — кроме неё, в ней не было ни души. После того как Юнь Фэй упомянула об этом Чжао Шу, та коварная домработница, что лишь разжигала между ними рознь, исчезла из особняка навсегда, а один из членов совета директоров был увезён полицией по обвинению в экономических преступлениях и теперь ожидал пятнадцатилетнего тюремного срока.

Никому другому Юнь Фэй не доверяла, поэтому не стала просить Чжао Шу искать новую прислугу. Зато сам Чжао Шу теперь приходил к ней каждый вечер, чтобы позаботиться о ней, фактически превратившись в её личного помощника.

Привыкшая командовать Чжао Шу, Юнь Фэй привычным жестом набрала его номер, сообщила, что завела кошек, и попросила по дороге захватить всё необходимое для питомцев.

Повесив трубку, Юнь Фэй уселась на диван, ловко включила компьютер и стала одну за другой открывать аватарки в мессенджере, связываясь с отобранными ею кандидатами.

Чжао Шу, конечно, неплох, но его способностей и кругозора пока недостаточно для

управления целым холдингом. К тому же многие директора были им недовольны, так что временно побывать и.о. генерального директора он ещё мог, но в долгосрочной перспективе неизбежно начались бы проблемы.

Если подумать, она сама, кажется, давненько не заглядывала в компанию. При одной мысли о царившем там бедламе у Юнь Фэй моментально пропало всякое желание ехать в офис — куда проще переложить управление на профессионала.

Её поиски подходили к концу, и вскоре нашлась подходящая кандидатура. После долгих обсуждений в сети все детали были наконец улажены.

В этот момент в прихожей раздался звук шагов — вернулся Чжао Шу, нагруженный большими и малыми пакетами. Будучи человеком предельно внимательным и заметив, что Юнь Фэй никому не доверяет, он никого не подпускал к её дому. Все вопросы, касавшиеся как компании, так и самой Юнь Фэй, он вёл в одиночку.

Юнь Фэй подошла ближе и сноровиста помогла ему разобрать покупки. Чжао Шу же, привычным движением достав продукты, направился на кухню готовить ужин.

Услышав от Юнь Фэй, что она уже нашла достойную замену на его место, Чжао Шу не испытал ни тени обиды или гнева — лишь всеобъемлющее облегчение. Управлять развлекательным агентством ему было ещё по силам, но тянуть на себе целый концерн оказалось выше его возможностей, и от сильнейшего стресса у него в последнее время даже начали выпадать волосы.

Он трезво оценивал себя, прекрасно понимал границы собственных талантов и всецело поддерживал решение Юнь Фэй.

Прошло несколько дней. Юнь Фэй испекла печенье с десертами, уложила их в рюкзак и отправилась в университет.

Нин Сынин и остальные с изумлением обнаружили, что Чэн Но в последнее время словно подменили: парень буквально сиял изнутри, а его глаза, прежде вечно скрытые за чёлкой, были аккуратно открыты миру, демонстрируя потрясающие черты лица.

В эти дни возле студии живописи то и дело крутились студентки младших курсов, приходившие полюбоваться на симпатичного паренька.

Когда Юнь Фэй отыскала студию, какая-то девушка как раз признавалась Чэн Но в любви. Лицо парня залилось густой краской, и он, совершенно не умея отказывать, не мог выдавить из себя ни слова.

Зрители вокруг шумно гикали и подзадоривали его, скандируя:

— Соглашайся! Соглашайся! Соглашайся!

Шумная, давящая атмосфера триггернула Чэн Но. Ему показалось, что он снова в прошлом, а окружающие фигуры превратились в домработницу Фан Юнь, которая вечно бранила его и вымещала на нём всю свою злобу. Постепенно эти лица сменились материнским: её некогда прекрасный и кроткий облик исказился, превратившись в оскалы целого легиона демонов в масках.

— Уродина!

— Почему ты до сих пор не сдох?!

— Да лучше бы ты умер!

— Зря я только тебя родила!

Чэн Но мгновенно охватил первобытный ужас. Лицо его страшно побледнело, и он, подчиняясь давней привычке, медленно опустился на корточки, зажмурился и закрыл уши руками, отчаянно пытаясь отгородиться от мира, кишашего демонами. Но пронзительные, злые голоса продолжали сверлить его мозг.

Увидев эту сцену, Юнь Фэй переменилась в лице. Она решительно растолпала толкучку и властным движением рывком подняла Чэн Но на ноги.

Окинув зевак холодным, не предвещающим ничего хорошего взглядом, она произнесла леденящим душу голосом, от которого у всех побежали мурашки по коже:

— Моих людей никому не дозволено обижать.

С этими словами она крепко взяла Чэн Но за руку и уверенным, широким шагом вывела его из толпы.

Чэн Но медленно приоткрыл глаза, не отрывая взгляд от её спины.

Демоны были повержены.

Спустись вниз, и я клянусь, что не убью тебя (7)

— Возвращаю тебе твой рюкзак.

Уведя парня в тихий переулок, Юнь Фэй достала набитую сладостями сумку и сунула её ему в руки, а затем озорно подмигнула правым глазом:

— Ты подарил мне котят, а я тебе — вкусняшки~В те времена, когда она была наивной сладкоежкой, Юнь Фэй очень любила делать сладости. Каждый раз она готовила их в огромных количествах, а затем раздавала тем, кто о ней заботился. Тот болтливый и язвительный менеджер вечно уплетался за обе щеки её стряпней и одновременно ворчал, что она тратит время попусту: мол, вместо этого лучше бы потратила свободные часы на оттачивание актёрского мастерства.

Каждый раз Юнь Фэй лишь улыбалась в ответ. Прожив бок о бок столько лет, разве могла она не знать, что за напускной суровостью её менеджера скрывается самое мягкое сердце?

Открыв рюкзак, Чэн Но обнаружил там целую гору сладостей, и его бледное от испуга лицо тут же слегка окрасилось краской.

— Нравится? — с умыслом спросила Юнь Фэй.

Чэн Но изо всех сил закивал, словно только так мог выразить свой восторг. Однако его кивки затянулись на слишком долгое время: он всё кивал и кивал, заставляя окружающих опасаться, не свернёт ли он себе шею.

Вспомнив стереотипное поведение при аутизме, Юнь Фэй протянула руки, обхватила его за лицо и прервала эти маниобразные движения:

— Хватит, я уже поняла, что ты рад.

Отпустив одну руку, она потрепала его по макушке, успокаивая.

Под её лаской Чэн Но наконец прекратил свои повторяющиеся действия. Юнь Фэй убрала руки с его лица, но он не смел её удерживать и лишь крепко прижал к груди рюкзак, доверху набитый снеками.

Стоило Юнь Фэй уйти, как он, подражая Нин Сынину, радостно запрыгал на месте.

Юнь Фэй не стала тратить время на университет, и меньше чем через месяц тот генеральный директор, которого она подыскала, наконец вступил в должность.

Хокс, бывший исполнительный директор медиакорпорации «Халк», воспитывал очаровательного сына. К несчастью, мальчик заболел боковым амиотрофическим склерозом: его мышцы постепенно атрофировались, и Хокс исходил вдоль и поперёк всевозможные края в поисках лекарства для ребёнка, но безуспешно.

Когда Юнь Фэй заявила, что способна исцелить его сына, он ожидаемо ухватился за протянутую ею ветвь оливы.

Ради своего ребёнка он был готов на всё.

Поспешив в аэропорт, Юнь Фэй встретила с семьёй Хокса. Сам Хокс, мужчина средних лет, ни капли не растерял своего обаяния — его сдержанный и солидный нрав сразу привлекал к себе внимание. Рядом с ним стояла его жена Мина, писаная красавица с золотыми волосами и бирюзовыми глазами, вот только её лицо выглядело измождённым.

Их сын Крис из-за мышечной слабости сидел в инвалидном кресле. Он казался совсем молодым, едва за двадцать, но в расцвете сил был прикован к одеревеневшей оболочке тела, не имея возможности сделать хоть что-то.

После коротких вежливостей все сели в машину, и Юнь Фэй повела авто прямо к вилле. Три подземных этажа особняка она полностью перестроила и заставила профессиональным медицинским оборудованием.

Ей была понятна тревога и боль отца, который бросил здесь все свои связи и влияние ради призрачной, жалостной надежды.

На втором подземном этаже Хокс перенёс Криса на смотровой стол. При помощи родителей Крис прошёл МРТ и электромиографию, после чего у него попутно взяли кровь на анализ.

Закончив с процедурами, компания вернулась в гостиную на первом этаже. Юнь Фэй сидела на диване и изучала на компьютере только что полученные результаты электромиограммы: мышцы Криса действительно начали атрофироваться, но пока не слишком сильно. Было заметно, что за ним хорошо ухаживают, хотя, конечно, сказывалось и то, что раньше он профессионально занимался спортом.

Строго говоря, от бокового амиотрофического склероза существовали лекарства, но они лишь облегчали симптомы, не исцеляя болезнь в корне.

Если причиной состояния Криса являлось лишь долгое накопление нейротоксичных веществ, приведшее к повреждению нервных клеток, то у Юнь Фэй оставались высокие шансы на полное излечение. А вот повреждение клеточных мембран нейронов, вызванное банальным нарушением энергообмена митохондрий из-за сбоя в метаболизме организма, доставляло определённые хлопоты. Если же дело крылось врождённой генетической патологией, ей, пожалуй, понадобилась бы более специализированная биогенетическая лаборатория.

Месяц спустя, получив старые медицинские заключения Криса и сопоставив их со всеми проведёнными ею анализами, Юнь Фэй пришла к выводу: к великому несчастью, Крис страдал именно от последней проблемы.

Процесс исцеления обещал затянуться надолго.

Получив от Юнь Фэй заключение, семья Хокса, напротив, впервые за долгое время улыбнулась. Ситуация выглядела мрачной, но, судя по всему, ещё не безнадежной.

Пока теплится надежда — всё далеко не кончено. Хокс не желал, чтобы вся жизнь Криса прошла на постели в ожидании неизбежного конца.

Поскольку из-за болезни сына Хокс поддерживал связи со многими медицинскими светилами и исходил немало лабораторий, узнав о желании Юнь Фэй заполучить ультрасовременную биогенетическую лабораторию, он сам вызвался заняться этим вопросом.

Крис ежедневно проходил курс лечения. Побывав в бесчисленных мирах и переняв врачебное искусство у древних мастеров исцеления, изучая «Канон Жёлтого Императора о внутреннем», а в мирах будущего работая исследователем геной инженерии, она обладала достаточным багажом знаний, чтобы закрепиться в любой реальности.

В тот день Юнь Фэй только вынула иголки после сеанса иглоукалывания, как ей позвонил куратор. Тут-то она и вспомнила, что уже больше полумесяца не появлялась в университете и чуть не пропустила экзамены.

Слома голову вернувшись в учебное заведение и сдав все экзамены, Юнь Фэй собралась уходить. Она почти полностью оборвала все связи с прежними знакомыми: в конце концов, все

те подружки были лишь фальшивками. Когда вокруг девушки поднялся рой грязных сплетен, ни одна душа не заступилась за неё, включая закадычных подруг. И дело даже не в молчании — они ещё и радовались чужому несчастью, так что Юнь Фэй с самого начала считала: главный порок прежней владелицы тела заключался не в склонности к саморазрушению, а в слепоте.

Не успела она выйти за ворота, как заметила бегущего к ней Чэн Но. В руках он держал оформленную в рамку картину.

Юнь Фэй слегка приподняла брови: изначально она не планировала слишком сближаться с Чэн Но. Она прекрасно знала себе цену и никогда не стала бы останавливаться на полпути ради кого бы то ни было. Излишняя привязанность Чэн Но к ней ни к чему хорошему бы не привела.

— Тебе подарок, — Чэн Но протянул ей холст, а уголки его губ изогнулись в робкой улыбке, словно у ребёнка, жаждущего похвалы.

Не в силах отказать, Юнь Фэй приняла из его рук картину и перевернула рамку. Наконец она разглядела изображение: девушка в алых одеждах выходила из мрака, шипы под ногами протыкали её ступни, а капли алой крови сливались воедино с распустившимися красными розами.

Он нарисовал её.

Брови Юнь Фэй разгладились, и в груди шевельнулось странное, лёгкое ощущение радости. В последнее время хлопоты порядком утомили её, вызывая раздражение, но эта картина словно остудила мысли.

Женщина, выходящая из тьмы сквозь тернии? Что ж, поистине подходящий образ.

Бросив на Чэн Но оценивающий взгляд прекрасных глаз, Юнь Фэй задумалась: совпадение это или паренёк слишком проницателен? Как интересно.

Чэн Но от такого внимания смутился пуще прежнего: его лицо залилось ярким румянцем, и он стыдливо потупился, уставившись в землю, словно в асфальте обнаружилось что-то дико интересное.

Заинтригованная его реакцией, Юнь Фэй опустила рамку на землю и подалась корпусом вперёд. Сшитое по фигуре платье подчёркивало её идеальные изгибы, а изящные пальчики отливали нежным перламутром в лучах солнца. Эта до неприличия красивая рука легко щёлкнула Чэн Но по лбу.

Удар вышел невесомым. Однако Чэн Но схватился за грудь, будто сражённый наповал, и замер столбом с глуповатым видом. Пока он приходил в себя, Юнь Фэй уже скрылась из виду.

В дальнейшем они ещё пару раз обменялись подарками, ещё сильнее сблизившись, но ни у одного из них не возникло мысли сойтись заново, из-за чего окружающие кусали локти от нетерпения.

Вскоре Юнь Фэй получила диплом. Покинув стены университета, она полностью погрузилась в работу в лаборатории, оборвав все контакты с внешним миром и поддерживая связь лишь с Хоксом и Чжао Шу.

Три года пролетели незаметно. Двадцати пяти лет от роду, Юнь Фэй стояла за массивным

защитным стеклом в изоляторе, где лежавший на кушетке Крис как раз завершал инъекцию генетического эликсира эволюции.

Этот эликсир был сывороткой, разработанной ею в мире межзвёздных технологий для изменения некачественной генетики.

Тот мир отличался невероятной жестокостью, где всё определялось уровнем генов: обладатели высоких рангов пользовались лучшими ресурсами, в то время как низкоранговые боролись за выживание в зонах с сильнейшей радиацией. Именно поэтому, стоило генному эликсиру увидеть свет, как он превратился в сокровище, за которое боролись все вокруг.

Конечно, из-за разницы между мирами многих материалов не хватало, и Юнь Фэй пришлось переосмысливать разработку заново, но, к счастью, её труды не пропали даром.

За минувшие годы состояние Криса неуклонно улучшалось, повреждённые нервные клетки восстанавливались, и ещё примерно год лечения позволил бы ему встать на ноги.

Поскольку Хокс постоянно вращался в кругах медицинских лабораторий, он не мог не заметить странностей, однако, будучи бенефициаром, хранил молчание и втайне зачищал любые проблемы вокруг Юнь Фэй.

На тот момент, помимо узкого круга лиц, никто не ведал, что истинной хозяйкой лаборатории являлась Юнь Фэй, и уж тем более мало кто догадывался, что она же возглавляет Медиагруппу «Юньхун».

Время — лучший способ стереть воспоминания.

Полгода спустя Юнь Фэй опубликовала результаты своих научных изысканий, вызвав настоящий шторм в медицинском сообществе. Биогенетическая лаборатория Минчжи мгновенно превратилась в лакомый кусочек, за расположение которого боролись все влиятельные силы.

Узнав о лаборатории из зарубежных новостей, Чэн Хуалун среди ночи вернулась на родину и отыскала Чэн Но, сидевшего за мольбертом в художественной студии.

Прошло уже больше трёх лет после окончания университета, и Чэн Но по-прежнему проводил большую часть времени за холстом. Чаще всего он рисовал женщину в красном платье, идущую из тьмы сквозь тернии и бури, которая продолжала свой путь, не останавливаясь ни на секунду.

Чэн Хуалун поделилась с братом целью своего возвращения. Чэн Хуажун нахмурился: он прекрасно знал о на шумевшей биогенетической лаборатории Минчжи. Незадолго до этого недоброжелатели обвинили её в подтасовке данных, но руководство лаборатории публично растерло скептиков в порошок, в один миг вписав своё имя в историю.

Будучи знакомым с несколькими тяжёловесами из Китайской академии наук, Чэн Хуажун слышал от них не самые лестные отзывы о лаборатории Минчжи, а потому испытывал определённые опасения.

У Чэн Хуалун имелись собственные каналы информации, открывавшие ей доступ к секретам, и она прямо сказала брату:

— А ты помнишь Мину?

<http://bllate.org/book/21612/2229344>